

рон считался старшим братом Ора-Гаруды. Истории его тако-ва. В чреве одного из богов (называются разные имена) несколько тысяч лет вырезали два птичьих зародыша. Тогда была вечная ночь, а день только собирался создавать. Один из зародышей страстно мечтал встретить первый восход солнца и умолял бога выпустить его из чрева, хотя до рождения оставалась еще тысяча лет. И бог смиловился. А тот вылетел недоразвитым, и в лучах утреннего восходящего солнца его оперение казалось красным. Его так и называли: Аруна, что значит *Красный*. Это был Ворон. Он стал возникшей в колеснице Солнца, и символом утренней зари. А другой зародыш вышел вовремя, через тысячу лет после Ворона, и сразу отплавился, ис-каль кровавую пищу. Это был Орел, ему дали имя Гаруда. Он стал царем птиц как Индра – царь всех богов [Эрман, Темкин, 1957, с. 54–56, 209].

В древнем Китае Ворон У или Чи-у (“Красный ворон”) был олицетворением солнца. Согласно древнейшим мифам, некогда на Небе было десять солнц, и жара стояла испепеляющая. Что-бы избавиться от нее, позвали Охотника. Охотник Хоу-и вы-шел на площадь, натянул лук и выпустил белую стрелу в огнен-ный шар на Небе. Мгновение – и этот шар долнул и полетел вниз, рассыпая вокруг себя золотые перья. Что-то сверкающее упало на землю. Люди подбежали и увидели огромного Золо-того ворона, пронзенного стрелой. Это и было одно из солнц [Юань Ке, 1987, с. 143; Яншина, 1984, с. 43]. У палеоазиат-ских народов Амура, индейцев Северной Америки, у чукчей, якутов и др. он был связан со светом и огнем [Мелетинский, 1992, с. 245–247]. Миф о связи Ворона с Солнцем был изве-стен крымским татарам. “Ворон, такой большой, что когда он летает, бывает затмение солнца, женится на младшей дочери царя. Когда ее младшему брату понадобится отыскать дочь Солнца, Ворон собрал своих подвластных птиц, и одна из них помогла царевичу отыскать дочь Солнца” [Потанин, 1894, с. 725; Дыренкова, 1929, с. 125]. В документах XVII–XVIII вв.

отмечается существование в Шории волости Кызыл Карга – “Красный Ворон”. Сеок кызыл карга существовал среди шор-цев. Часть его в свое время ушла в долины Еси и Теи, разде-лившись на сеоки суг-карга (водные карга) и таг-карга (горные карга). При разделении они, однако, со спором распределили между собой перья не ворона, а орла [Потапов, 1969, с. 132; Кимеев, 1986, с. 48]. Показателем также эпизод из монгольской летописи, в котором контратский Дай-Сэчен обращается к своему свату кийт-борджигину Эсукею: “Нынешнюю ночь приснилось мне, будто я в виде *кочета* держу ворона, изображающего знак (судьбу) рода Кийт (Кият), из фамилии Борджигин” [Гомбоев, 1858, с. 124; Абрамзон, 1971, с. 356].

В 647 г. западнотюркский каган из племени ашина препод-нес танскому императору свой символ – Золотую птицу. “Это был Ворон. Они вырезали из дерева пернатое существо и по-крыли его золотом” [Ван Циньжо, гл. 970, с. 1140, л. 12а]. Прилет в Китай неких птиц, похожих на ворон, предвещал на-шествие тюрков. Эту птицу презрительно называли копыткой (Suyharta radoxus) или “тюркской пташкой”. Но статьи о ней в энциклопедии “Тай-пин гуан цзи” называется “Большой Во-рон” [Ли Фан, гл. 139, с. 1005]. Очевидно, за житейским обо-значением скрывалась символика совсем иного порядка.

Все царские огузы считали себя потомками мифической птицы Тулу/Дулу в эпосе “Китаб-и дзэдэм Коркут” [Бартольд, 1962]. “Золотой (каганский) род древнетюркского династийного пле-мени ашина (<хот.-сак. asseŋa “голубой”, “синий”) назывался шар-дулы (<ср.-перс. зат дуи “Золотая птица Дулы”, “Золо-той/Красный Ворон”). Из этого рода был принц Кюль-Тегин. В надобной части головного убора его скульптурного изваяния в урочище Хушо-Цайдам (Северная Монголия) изображена птица с распростертыми крыльями, похожая на орла [Шер, 1966, с. 19; Naushli, 1996, с. 264; ср. Ермоленко, 1998, с. 96]. Вряд ли будет ошибкой считать этого орла олицетворением Ворона-Солнца. Название кызыл карга отложилось и в тюркской

топонимике. После прибытия в Куца (СУАР КНР) экспедиция М. М. Березовского в 1905 г. направилась в местность Кызыл-карта, где ею были обнаружены древние рукописи [Литвинский, 1988, с. 32, прим.].

В усуньском мифе отцом Солнце-бога Хуньмо был Наньдоуми, убитый юэзжями. Хуньмо родился уже без отца и был оставлен в степи. Со времени написания "Исторических записок" Сыма Цяня этот сюжет стал широко известен. Он использовался учеными той поры как историческая параллель для доказательства божественной сущности предка чжоусцев Хоуцзи, родившегося без отца, при помощи божественного вмешательства. Исполняя для этого "сюннуфильскую" версию Сыма Цяня, философ Ван Чун (27–97 гг.) писал (в переводе Э. М. Яншиной): "Вана (воздя) внуков воронов (усунь) прозвали Куньмо. Сюнну напали и убили его отца, мать родила Куньмо. Бросила его в степи, вороны носили ему в клювах мясо, чтобы накормить его. Воздя племени удивился этому и, решив, что он бог, взял его и вырастил... Хоуцзи не должен был быть брошенным, поэтому и лошади не топтали его, а птицы своими крыльями прикрывали его. Куньмо не должен был умереть, поэтому вороны носили ему мясо и кормили его" [Яншина, 1984, с. 81–82].

Роль волачицы здесь ясна. Это владыка плодородия и земли-воды, Дракон в образе волачицы. Те же функции выполняет волачица-драконтина в тюркском генеалогическом мифе. Важно, что Ворон-Солнце кормит его мясом, то есть *плотью тотема*. Иными словами сам Хуньмо является земным воплощением бога Солнца. Так воспринимается и само имя. Мерогаифы С11918, 8428 хунь-мо (<уап-пак), при регулярной передаче транскрипционными финальными -п иноземных звуков -п, а также -г, -л, восходят к обозначению *hvat-bay и соответствуют иранскому hvat bay "Солнце-бог". Современники знали и помнили о божественной сущности Хуньмо. Помимо заключения наставника, решившего, что младенец есть бог, таковым же, по тексту "Ис-

торических записок", считал его и предводитель сюнну [Сыма Цянь, гл. 123, с. 1140, л. 96]. Однажды конница сюнну была отправлена на войну с усунями. Но ратники отказались сражаться и "удалились" на том основании, что усуньское войско возглавлял сам бог (шань) Хуньмо [Бань Гу, гл. 61, с. 750, л. 4а].

Считается, что западными районами проживания усуней была долина реки Или. На западе они граничили с государством Канцзюй (долина реки Сырдарья). При этом не учитываются некоторые обстоятельства. В источнике сообщается, что между странами Усунь и Канцзюй существовало государство Ушань-му, бывшее в брачных связях с предводителями сюнну: "Ушань-му было малое государство между Усунь и Канцзюй" [Бань Гу, гл. 94а, с. 1127, л. 376; Бичурин, I, с. 85]. На севере от Усунь существовало государство Иле, которое намеревался атаковать Чжижи-шаньшуй [Бань Гу, гл. 70, с. 85, л. 82]. Оно существовало, по крайней мере, до IV–V вв. (см. ниже § Яньшуй). В китайских летописях так именовалась река Или [Мавлякин, 1989, указатель]. При описаниях же страны Усунь река Или не упоминается. На северо-западе (надо "на северо-востоке"? от Усунь располагалось государство Юобань (Урпен, Орпен) [Ли Яньшюу, гл. 97, с. 1292, л. 146–15а; Бичурин, II, с. 258–259]. Топонимическим следом этого государства в начале VIII в. было название местности Орпен или Орпюн. Вероятно, восточной частью этой страны была местность Урбюн (Тува). Здесь произошло сражение восточных тюрков с отрядами народа чиков, населявших территорию современной Тувы. Словом, вопрос о локализации государства западных усуней до сих пор остается нерешенным. Источниковеды согласно соотносят его с территорией Джунгарии [см.: Крюков, 1988, с. 235; там же историография вопроса].

В процитированном рассказе четко обозначено местожительство живших "совместно с большими юэзжи" усуней/асманов "между горами Цилинь и Дуньхуан". Горы Цилинь – это хребет

Рихтфена. Может быть, имеют право считаться доказательными слова из "Исторических записок", поставленные вместо выражения "прежние земли Хуньмо пустыют" в версии Бань Гу: "а прежние земли (князя) Хуньне пустыют" [Сыма Цзянь, гл. 123, с. 1141, л. 10а]. Речь идет о юэчжйских землях, захваченных и вошедших в состав сюнну, и о юэчжйских князьях Хуньне и Сюту на службе у сюнну. В сражении с войсками Хань они потеряли несколько десятков тысяч убитыми, и шаньюй вызвал обоях в ставку, чтобы казнить их. Князья в ставку не поехали, а казни предпочли подданство Хань. Но в последний момент Сюту передумал, и Хуньне убил его. Хуньне со своим племенем ушел в ханьские пределы, где ему "на кормление" было пожаловано 10 тысяч дворов [Бань Гу, гл. 17, с. 146, л. 46]. Племя хуньне в середине II в. до н. э. кочевало в средней части провинции Ганьсу, где ханьцы позднее создали округа Чжаньне и Цзююань. Название племени и имя князя С4324, 3588 хунь-е (<*уап-па <*хуапа, хуапа) соответствует названию скифов хаурана и городу Хаурана в Заимавской Скифии по "Географии" Птолемея (VI, 15, 3-4). Хуапа китайского источника – это иранский символ царской удачи *hvaranah*, эманации солнца – *hvar* [Dushesne-Guillemin, 1962, с. 203-204]. С большой долей вероятности можно предположить, что племя хуньне (хварана) было племенем жреца-хранителя царского фара. Именно сюда, в центральные земли юэчжи и призывали вернуться усуньского (асманского) Хвар-бата (Хуньмо).

Князь Сюту и его племя кочевали восточнее племени хуньне (хварана), в районе древнего округа и современного уезда Увай провинции Ганьсу [Shitatori, 1930]; транскрипция С8851, 2643 сю-ту (<*xiu-da <*худа) восходит к иранскому термину *xuda* "бог". В описании упомянутого трагического эпизода, когда ханьские войска под руководством Хо Цюйбина в 121 г. до н. э. убили и взяли в плен несколько десятков тысяч сюнну (юэчжи под флагом сюнну!), говорится, что было захвачено (отлитое из золота или покрытое золотом) изображение золотого человека (цзинь жэнь), перед которым князь Сюту (Худа), "совершал

жертвоприношение Небу" [Бань Гу, гл. 94а, с. 1118, л. 20а-б; Бичурин, I, с. 65]. Известна история его сына, получившего фамилию Цзинь – "Золотой" и имя Жиди, прошедшего путь от конюха до ближайшего лица императора. В скульптурной группе императорского рода У имелось и его изображение [Шаппелес, 1893, с. 26-27]. Возможно, племена хуньне (*hvarana*; *hvar-bar*) и сюту (*xuda*) и составляли солнечную фракцию государства. Несомненно, о том или совсем о другом "Золотом человеке" идет речь в следующем сообщении. В 31 г. до н. э. Ханьский двор через своего наместника пожаловал (вернул?) усуням *Золотого человека* [Бань Гу, гл. 96б, с. 1169, л. 76; Кюннер, 1961, с. 91]. Подобное изображение найдено в районе города Иссык-Атминской области и приобрело теперь мировую известность. Его идеологическая значимость показана в монографическом исследовании А. К. Акишева, охарактеризовавшего его как "космократора и демиурга, воина в виде антропоморфного Космоса" [Акишев, 1984, с. 82]. Через 250 лет (примерно в 177 г.) это племя упоминается Птолемеем (VI, 15, 3) рядом со скифами-хауранами под названием скифы-хаты.

Материал письменных источников не позволяет сколько-нибудь определенно судить о форме семьи и общины в обществе асманов (усуней), хотя сам факт их выхода из гинекратического государства может служить указанием на перемены в этой области. Они не могли быть результатом однократного акта, каким была сама откочевка. В этом смысле показательна фигура Бугзю-сихоу, который в генеалогическом мифе *забирает* новорожденного, беспокоится о его *пропитании* и *возвращается* к сюнну (в данном случае это несомненно юэчжи в составе сюнну). И никто ему не мешает. Значит, он, "отец-опекун" (кит. фу-фу), обладает правом забирать новорожденного. Таким правом владеет *только единственный брат матери, дядя по материнской линии*, как бы сама мать в мужском образе в период перехода от материнско-правовой семьи к патриархальной. В этнографии это явление называется *авункулат* (от лат. *Avunculus* "дядя"). Наряду

с теоретическим осмыслением этого явления [Леви-Строс, 1985, с. 41-47; Мировоззрение, 1989, с. 40-46], имеются его разработки на конкретном этнографическом материале [Косвен, 1948]. На этом этапе мужчина уже не поселяется в доме своей жены, а напротив — берет ее в свой дом (“замуж”). Матрилокальное брачное поселение сменяется патрилокальным. Но при этом жена и ее дети сохраняют свою принадлежность прежней материнской семье и роду. В это время материнскую семью возглавляет уже мужчина, отец или брат женщины, выданной в чужую семью/род. В такой системе фактическим отцом ребенка является дядя с материнской стороны, а не кровный родитель. И если мать остается в мужнином доме, ее дети (сыновья) “возвращаются домой”. Кровный отец и его сородичи обязаны отдавать ребенка его дяде, “вернуть” в свою семью. Этот порядок М. О. Косвен назвал “возвращением детей”.

Первое в литературе сообщение об авункулате принадлежит Тагиту (Setpami, VIII, 18-20). Ф. Энгельс по этому поводу писал: “Решающее значение имеет одно место у Тагита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына, некоторые даже считают, что кровные узлы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более связными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда потребуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын человека, которого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем пережиток рода, организованного по материнскому праву, следовательно первоначально-го” [Энгельс, 1975, с. 152]. Племянники были всеправны и пользовались исключительными привилегиями в семье дяди по материнской линии. Реликты этого обычая известны и сейчас. Согласно казахскому обычному праву, они до трех раз могли брать у родственников матери любые ценности [Артынбаев, 1975, с. 35]. В прошлом быту кыргызов племянник по матери на пиршестве у дяди или дедушки мог взять любого коня из его табуна, получить любое угощение. Сохранилась даже пословица

“Лучше пусть придут семь волков, чем один племянник (по линии матери)” [Покровская, 1961, с. 52-53].

Новорожденного “бога-Солнца” Хуньмо “возвращает домой” Буэзю-сихоу. Слово С5651, 8697 *сихоу* (<*x̣iər-ɣ̊u) – титул. Иероглиф С8697 *хоу* (<ɣ̊u) этой транскрипции в древнекитайском языке означал наследственный титул знати второго из пяти высших классов. Ф. Хирт удачно сопоставил транскрипцию *сихоу* (<*x̣iər-ɣ̊u) с титулом *jəvuɣò* (~*jəvuɣò*) на юэжикшанских монетах из Кабулистана и *jəvuɣ* древнетюркских памигников [Hirth, 1899, с. 48-50]. Этот титул прежде всего юэжкийский или, по мнению известного ученого, “истинно тохарский”. В 11 г. до н. э. в ханьском плену оказался сюннуподанный юэжкийец, занимавший у сюнну должность “канцлера” (*сян*) и имевший титул *сихоу* (*ябту*). Через 4 года он вернулся к шанью. Тот дал ему прежнюю должность “второго [после шаньюя] лица в государстве” и сохранил титул *сихоу* (*ябту*). Носитель этого высокого титула не входил в династийную структуру собственно сюнну, которая детально зафиксирована в источниках и хорошо известна. Возможно, он был представителем многочисленной юэжкийской диаспоры-автономии в объединении сюнну. Эта история наводит на мысль, что представителям таковой же был Буэзю-сихоу в государстве Асман (Усунь). Слово С6492, 12983 *буэзю* (<*rwo-dz̥jog) может соответствовать титулу *bhoṣaka* (*Bhoṣaka*) на эфталтских монетах Забулистана. Божака, или Великий Божак – одно из имен великого солнечного бога у саков Индии, означающее “спаситель”, “избавитель” [Schlissman, 1948, с. 44-46].

Предположение о существовании юэжкийской диаспоры-автономии в государстве Асман имеет основания. Во-первых, это прямое указание летописца, что в государстве “живут племена (чжун) сз (сак) и больших юэжкеш” [Бань Гу, гл. 96б, с. 116б, л. 16]. Забегая вперед, скажем, что это были юэжкийские сакральные символы и области Куян (*кит.* Цзюйянь, “Мечный

путь”) и Акас / Акаса (*кит.* Эши; местожительство царицы Луны). Общеизвестно, что при массовых переселениях кочевые племена уносили с собой имена богов, а прежние названия сак-равных областей прилагали к новым объектам. Области С4297, 11347 Цзюйянь (Куян) и С14521, 6579 Эши (Акаса) оказываются и в стране Усунь (Асман). Они записаны иными иероглифами, чем стандартная запись эдзинатолевских, и этим самым подчеркивается их различное местонахождение, но эпизод, в котором эти имена появляются, опять связан с персонай царичи. Опасаясь фронтального наступления ханьских войск, шаньюй в 73 г. до н. э. отправляет к усуньскому правителю посланника с требованием передать ему выданную за правителя ханьскую принцессу, чтобы ее присутствием при ставке обрадовать себя от опасности и при этом лишить враждебных усуней помощи со стороны Хань. Принцесса категорически отказывается и просит императора предпринять военные шаги. В ответ сюнну захватывают усуньские области Цзюйянь и Эши [Бань Гу, гл. 966, с. 68, л. 4а; гл. 94а, с. 1125, л. 336]. Теперь становится понятно, куда именно возвращался канцлер-юэчжид Бугэ-сихоу (Божак-йабугу) с новорожденным богом на руках.

Возможно, продолжением темы престолонаследования и типа семьи можно считать строки о том, что у Хуньмо было *десять* (с лишним) сыновей. Собщение о “десяти сыновьях” правителя – это указание на существование *десятичной системы* как основы военно-административной структуры государства. “Средний сын – Великий Лу, – говорится далее, – был крепкого (характера). Он был хорошим военачальником, возглавлял войско в 10 тысяч [с лишком] всадников и жил отдельно. Старший брат Великого Лу был наследником престола, а у наследника престола был сын Цзюйцзоу. Наследник престола [перед смертью] говорил Хуньмо: “Обязательно объяви Цзюйцзоу [вместо меня] наследником престола!” Хуньмо из жалости [к умирающему] согласился. Великий Лу разгневался. Он собрал своих старших и младших братьев, поднял народ к митегу и намеревался

напасть на Цзюйцзоу. Тогда Хуньмо выделил Цзюйцзоу 10 тыс. [с лишком] всадников и приказал ему жить отдельно. Сам Хуньмо также имел 10 тысяч [с лишком] всадников для собственной охраны. Государство разделилось на три части. Общая власть принадлежала Хуньмо” [Бань Гу, гл. 966, с. 1167, л. 2а; ср. Кюнер, 1961, с. 76].

Грибальное учение характерно для государства кочевников. Оно основано на военном принципе наступления левым и правым крыльями/флангами во главе с центром и подобного же построения во время проведения многоколлективных облавных охот. В каждом крыле представители закрепленных за ним племен располагались строго иерархически, в зависимости от места, занимаемого ими в традиционной структуре У сюнну левое (восточное) крыло считалось привилегированным: из него был наследник престола, здесь находилась резиденция царичи. Таковым же был десятиплеменный Западнотюркский каганат в VII в., располагавшийся “на землях прежнего государства Усунь (Асман)” или “на прежних усуньских землях”. Костяк каганата составляли десять тюркских племен, по пять в каждом крыле. Первым в списке племен левое (восточное) крыло названо племя улу-ок/ук, находившееся в брачных отношениях с каганами из западной ветви “небесно-голубого” по происхождению племени ашина. Социально-должностной термин *у-лу* (*кит.* Хулу < *уо-лук* < *шлу* “великий”, “старший”) встречается у представителей племени ашидэ (< *aʃtaq; см. раздел II) во втором тюркском каганате. Это было племя канцлера-соправителя и царичи-катуи, супруги кагана из племени ашина. Наследовать каганский престол мог только ашинец по отцу и ашинец по матери. Престолонаследование происходило согласно установленным так называемой “братской семьи” по линии “старший брат – младший брат – племянник (сын старшего брата)” с непременным участием царичинских аштакон на каждой ступени этой последовательности. Царице и канцлеру принадлежала решающий голос при избрании кагана, проводившемся в соот-

ветствии с нормами “братской семьи”. Аптаки олицетворяли землю и народ государства. За носителями звания *улу* закреплялась должность “канцлера”, “везира”, “старейшины государства” и в более позднее время. В полном архаики тексте “Родословной туркмен” (XV/II в.) говорится, например, что “правителем государства” (ишь улулы) был мифический Диб Бакуй, сын Амулджа-хана [Кононов, 1958, с. 39, стк. 151]. Сын старейшины (улул) и акасака уйгуров Эркий-ходжа был везиром Кюн-хана (“Солнце-хана”): “Кюн-хан сдала его везиром и до самой своей смерти поступал по его словам” [Там же, с. 49, стк. 473–474].

Привлекаемый источник позволяет выявить элементы озаглавленной схемы в государстве Усунь (Асман). Прямое указание на триальность предполагает наличие левого (восточного и простижного) крыла, центра (руководящего начала) и правого (западного, в основном, сыновьего и военного) крыла. В обеих летописях зарегистрированы левый (восточный) и правый (западный) военачальники и другие подобные должности-звания [Лидай, I, с. 408, 414; Кюнер, 1961, с. 73]. Вторым после верховного правителя лицом назван канцлер (сян) Великий Лу. Древнекитайское звучание иероглифа C9509 Лу (<luk~*luk) можно рассматривать как неполную транскрипцию уже знакомого тюркского термина *шуу* “великий”, “старший”. Примеры именно такой неполной передачи данного слова встречаются в других китайских текстах [Hamilton, 1955, с. 85, 158–159]. Предшествующее слово *да* “Великий” (в сочетании *да лу* “Великий Лу”) является, таким образом, переводом-кавыкой тюркского *улу*.

Западнотюркский улул был главой племени улул-ок/ук, брачащегося с катанским “небесно-голубым” племенем ашина. Племя улул-ок было первым среди пяти племен левого крыла катаната. Усуньский Великий Лу (Великий Улул) назван средним из десяти “сыновей”. В связи с однотипностью и распространенностью общей схемы, сопоставимостью ее основных звеньев, позволено заключить, что усуньский Улул был представи-

телем пятиоставного левого крыла, а его племя находилось в брачных отношениях с “небесным” племенем асманского правителя, оно было *царичынским* и *тюркоязычным*.

Отступление. Необходимо отметить, что в китайских и иных письменных источниках о соседних народах сохранилась их лексика, главным образом, военнополитического и историко-культурного круга, необыкновенная мобильность и всепроникаемость которой хорошо известны и в наши дни. Если древний термин реконструирован в соответствии с историко-фонетическими закономерностями развития языка, на котором написан памятник (в данном случае китайский) о иноязычном народе, племени или человеке, то это далеко не всегда может служить гарантией в определении языка его носителя. “Все знают и обращают внимание, – писал Йордан, – насколько в обычае племен принимать имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские” [Йордан, 1960, с. 77]. Поэтому исследования о языке юэцжи и усунь, выполненные столетие и даже полвека назад на уровне развития науки того времени и без учета сопутствующего материала, нельзя считать основополагающими в определении их языка, хотя было бы несправедливо отвергать содержащееся в них рациональное зерно, если таковое имеется.

Иное дело – базовая лексика, к которой относятся снабженный китайским переводом и семантически оправданный тюркский термин *шуу* в значении “большой”, “великий”, “старший”, “старейшина”.

К ней же следует отнести и обиходный для степного кочевого термина *böi* “волк”. Существует мнение, что он заимствован из иранских языков (*авест.* *wañko*, *созд.* *wuk* и под.) и “не может быть объяснен средствами тюркских языков” (В. Банг). Г. Вамбери объясняет его из *böi*, *бог* “серый” [Vámbéry, 1879, с. 202], “что и в звуковом, и в семантическом отношении не вызывает особых возражений” [Щербак, 1961, с. 31]. Прото-

тюркским считают его П. Будберг, А. Базэн и В. П. Юдин [Bazin, 1950, с. 248; Юдин, 2001, с. 284–285].

В асманском (усуньском) генеалогическом мифе образ волчицы-кормилицы занимает первое место. Имя С5261, 1434 Фули (<rii-ljie <böi) широко известно. Прежде всего, Бори (кит. С5275, 1434 Фули <rii-ljie <böi) – это название некоего отделиения в составе царьцынской области юэчжи в долине Эдзана-тоа (Цзюйянь), во главе которой в 119 г. до н. э. был правитель Бори (Фули-вань) по имени Чантуло (ср. санскр. sandā “луна”), сдавшийся Хань и получивший за это титул Хоу и во владение местность Сянчэн. Его прежняя область Фули, была по-видимому, передана ханьскому военачальнику Лу Бодэ, построенному здесь укрепление Чжэу-сай [Сыма Цянь, гл. 20, с. 342, л. 86; с. 343, л. 9а; Биурин, I, с. 72; III, с. 23]. Снедовательно, в образе кормилицы волчицы-драконтины подражывалась лунная юэчжйика. Это же имя носил один из усуньских хунь-ми [Бань Гу, гл. 966, с. 1169, л. 76]. Роль кормилицы и Праматери играет Волчица в древнетюркском генеалогическом предании. Она обозначена совершенно сходными иероглифами С5260, 1434 фули (<rii-ljie <böi) и сопровождена переводом *лин* “волк, волчица”. В память о происхождении от волчицы словом фули/бори называли ордынских лейб-гвардейцев тюркского кагана, а над его ордой-ставкой развевалось знамя с изображением волчьей головы [Линху Дэфань, гл. 50, с. 425, л. 46]. Бори-шадом (Були-шэ) был предводитель обособленного уууса каганата [Лю Сюй, гл. 1946, с. 1436, л. 16], а через непродолжительное время этим же званием обладал тюркский наместник в покоренном государстве Кай (Си) на берегах реки Шара-мурэн [Оуян Сю, гл. 215а, с. 1501, л. 8а]. Еще один Бори-шад (Боли-шэ) “охранял” зависимое тохарское государство Яньци (Карашар) [Лю Сюй, гл. 1946, с. 1445, л. 36], а отцом западнотюркского Ару-кагана (Хэу) был *Эр-бори-шад Якуй-тегин [Там же, с. 1446, л. 46]. В “Общем уложении” записано: “Иногда [тюрки] учреждают фулинь (<rii-ljen <böi) -кага-

нов. Фулинь суть название волка; из-за их алчности и склонности к убийству дают такое прозвание” [Лу Ю, гл. 197, л. 6а].

...Сын не мог наследовать отцу, поэтому Хуньмо якобы лишь “из жалости к умирающему” наследнику престола согласился передать эту должность сыну последнего, что вызвало ярость Великого Улуга, его сородичей и народа, взявшего в руки оружие. Сомнительное решение верховного правителя утверждать новый принцип наследования престола по линии “отец-сын” в обход царьцынского (материнского) племени Улуга не встретило поддержки и на этот раз было отвергнуто.

Вскоре после описания этого эпизода летописец сообщает: “Хуньмо был стар годами, а государство разделено. Хуньмо не мог управлять по своему усмотрению”. Цзыцзоу все-таки стал верховным правителем, но после его смерти верховным правителем становится не его сын Ними, а младший брат (?) Вангуйми. После его смерти престол переходит тоже не к сыну Юаньгуйми, а к Ними, сыну Цзыцзоу. То есть продолжают действовать институты “братской семьи”, представляющей собой соединение отцовской и материнской линий в престолонаследовании.

Через страну Усунь (Асман) проходил важный участок торгового пути Восток–Запад, и стараясь закрепить за ним, Ханьский двор путем военного давления или сотрудничества склонить усуньскую элиту к ориентации только на Среднее царство. Важным инструментом в этом была выдача ханьских принцесс за усуньских правителей. Структура межплеменных отношений начинается кардинально меняться. Трон, установленный на принципах “братской семьи” в некотором смысле, был воплощением понятий “земля + народ + правитель”. Но значение канцлера-улуга падает. В 11 г. до н. э. у Великого Лу была отобрана золотая печать с пурпурными шнурками и заменена медной печатью с черными шнурами [Бань Гу, гл. 966, с. 1170, л. 80]. Двор предпринимает меры к ликвидации института “братской семьи”. В 64 г. до н. э., когда упомянутый Юаньгуйми

не получила от отца верховный трон, ханьский двор направил в Усунь сановника для выражения порицания. Оно стало осущест-
вляться по нисходящей линии “отец-сын”, и каждый из пра-
вителей включал в свой титул слово “Хунь” (Хвар, “Солнце”).

В соседстве с усуньскими землями Птоломей называет
“область Акаса” [Пыльников, 1988, с. 194]. Ханьцы знали ее под
именем “жестокого божества” C14524, 65229 Эпши (<ak-si). Эта
местность входила также в состав усуньских (!) владений, и в
74 г. до н. э. сюнну, домогавсь выдачи находившейся у них ки-
тайской принцессы, захватили эту местность [Бань Гу, гл. 94а,
с. 1125, л. 336; гл. 966, с. 1168, л. 4а]. Это название повторя-
ется в имени царицы утигулов, Акатас, в отчете византийского
посла к тюркам Валентина в 576 г. [Менандр, 1861, с. 418;
Chavannes, 1903, с. 240]. Утигуры Менандра – это *ути*, ассо-
циируемые с аорсами в “Естественной истории” (VI, 39) Пли-
ния. Словом *ути* и был реальный прототип транскрипции юэчки
<ngʷai-tie < uʰi [Rulleyblank, 1966, с. 18]. Параллельно суще-
ствовало племя *ути* на востоке, в долине реки Эдзинатола и озер
Сихай и Солёное (соответственно Сого-нур и Гашун-нур).
В 416 г. правитель государства Северное Лян провел военную
кампанию против *ути*. По пути следования он совершил жерт-
воприношения у Золотой горы Цзиньшань и в храме Царицы-
матери Запада Си-ван-му. В храме имелось вырезанное на чер-
ном камне изображение богини Си-ван-му. Правитель приказал
вырезать на камне текст-посвящение [Фан Сюаньлин, гл. 129,
с. 853, л. 6а]. Черты юэчжйской богини-царицы имеют сход-
ство с образом мадоэжйской богини Великой Матери Кибелы
в виде серебряной статуи с лицом, изваянным из шершавого
черного камня, помещенной в священную повозку у водоема
[Фразер, 1983, с. 330]. Предположительно можно считать, что
область Акаса и была местожительством юэчжйской царицы.
“Общезюэчжйским” символом был *куйан/гайан* (ср. скифск.
гаја – “светлый”, “белый”) как земное олицетворение Луны и
Млечного пути. Из нескольких иероглифических записей этого

слова наиболее устойчив C2109, 11347 цзюйянь <kio-jen. Так
назывались главная река и озеро юэчки на севере от Наньшаня
(Эдзина-гол), так же именовались царский род и главный го-
род западнотохарского (коча) княжества Цюцы (СУАР КНР)
[Фань Е., гл. 47, с. 694, л. 4 б; Хуан Ваньби, 1983, с. 224-
228]. Всепроникающая “белизна” стриженных кучанцев перево-
дилось на китайский язык словом бай “белый” [Оуян Сю, гл.
221а, с. 1552, л. 9а].

Существовал еще один сакральный символ – горы *Цулянь* в
200 ли на юго-востоке от Чжаньбе/Ганьчжоу. Это была южная
граница владений собственно юэчки. “Там прекрасные воды и
превосходные травы, в горах зимой тепло, а летом прохладно,
(эти места) пригодны для пастбы овец” [Ю Вэйюань, 1958,
с. 200]. Выходцы из этих гор также получали фамилию C14380,
11148 Цулянь (*gʷieg-len < *gʷiglen). Об одном из “кигленцев”
говорится, что его предки были из рода Знатной дамы [Ли Бою,
гл. 41, л. 7 а]. В V в. сюннская фамилия C14482, 11148 Хэ-
лянь (<hak-len) была заменена на Тефу (“Мать”, “Матушка”)
[Вэй Шоу, гл. 95, с. 1192, л. 18 а-б], хотя эти знаки можно
было бы перевести: “железный мост (повозка с дышлом, роди-
тели)”. Иероглифическое обозначение священной горы, племе-
ни, знатной госпожи и др. различно, но их старое звучание еди-
нообразно: *kʰiehlen, *kʰieglen, *gʷieglen, *haklen, *xʰoklen. Их бли-
жайшей звуковой и семантической параллелью является фригий-
ское *kiklen* “повозка”, “телега”. Так называлась и *Повозка со-
звездия* – Большая Медведица. Любопытно наполнение этого
слова у лесных народов Амура. У эвенков созвездие Большой
Медведицы называется не Повозкой, а “Лосихой Хэргэн”
[Рыбаков, 1981, с. 54].

Кульб фригийской Великой Матери богов, богини плодо-
родия Кибелы был перемещен из Азии в Рим в апреле.
И богиня сразу принялась за работу. В том году был собран
невиданный урожай зерновых, овощей и фруктов. В праздник
27 марта “в телегу, валякому водами, клали серебряную статую

богини с лицом, изваянным из шершавого черного камня. Повозка во главе с патрициями, ступающими босыми ногами, медленно продвигалась к берегам Аммона. Там первосвященник, облаченный в пурпурные одежды, омывал повозку, статую и другие объекты культа проточной водой. Омовение богини плодородия в реке, по мысли Дж. Дж. Фрэзера, представляло собой вызывание дождевых чар, чтобы было достаточно влаги для пробуждающейся растительности [Фрэзер, 1983, с. 327–332].

Если принять правдоподобные предположения о юэжжйском происхождении образа богини плодородия Матери-Царицы Запада Си-ван-му в древнекитайском мифе, то именно с даекими предками юэжжи связано появление “Колесницы облаков” или “Облачной повозки” Си-ван-му. Повозкой для нее служили облака у вершин Куньлуня, а ее дочь Юэзи, беда, как соевый творот, купалась в Серебряной/Белой реке Мечного пути [Юань Кэ, 1987, с. 367–368]. “Народно-религиозная” сырдарынская богиня вод и дождя, многочислая и плодородия Ардисура Анахита, как и ее древнеиндийская двойница Сарасвати, олицетворяла Небесную реку/Мечный путь и была подательницей дождя. Она стояла в “Дождевой повозке” – Грозовой туче, потоки воды из которой падали на землю (ata ara “текущие или падающие воды”, дождь). В ее повозку впряжены четыре белых коня (ср. обозначение юэжжй бо ма “белые кони”): Дождь, Ветер, Туча и Град. Ее почитают белым молоком, смешанным с белым соком Хаомы [Lommel, 1954, с. 405–413]. Это общий прообраз юэжжйской облачной повозки-кигден и богини плодородия в горах Наньшань, которые в юэжжйской их части (хр. Рихтофена) назывались Кигден (Цзилян). После того, как в 121 г. до н. э. Ханьский военачальник Хо Цюйбин отобрал у сюнну (юэжжи в составе сюнну) эти земли, они горестно пеали: “Потеря наших гор Цзилян привела к тому, что весь наш домашний скот перестал размножаться” [Лидай, I, с. 53; Таскин, 1968, с. 147–148].

Образ богини плодородия в облачной колеснице был жив и в древнетюркское время. Областью Цзилян назывались земли, куда была помещена катунская (царициска) фракция ката-тов, аптаков (ашидэ). Напомним, что государство тангутов Си Ся, история которого считалась продолжением истории древних дася-тохаров, было не только *белым*, но и *высоким* [Кычанов, 1968, с. 54–55]. Это “Государство белых и высоких дася-тохаров”.

В казахском фольклоре образ облачной повозки Кикден (но ср. выше вариант *xöklen < *xöklen) обрел черты съезвшей сердце дракона одноногой (т. е. змееподобной) властительницы джигнгов и пери старухи Кокмен (а также Коклан, Коктен и др.). Главный герой эпоса “Кобланды-батыр” решает жениться на Ак-Кортке, единственной дочери старухи. Кокмен дарит ему прозовое облако (жай булыт) и напутствует словами:

Голоден будешь, –

Вкусной едой оно станет;

Если в степи одинок, –

Верной дружиною будет;

Жажду ли ты испыташь, –

Чистым дождем прольется;

В мире, лишенном дорог, –

Встретишь бурливые реки,

Крепким мостом оно станет.

[Нурмагамбетова, 1988, с. 35, 80, 86].

Герой по имени Кан-Кёмен известен в фольклоре черновых татар (туба-кижи) на Алтае. В сказании “Барчын-бёке” это богатырь, родившийся в черной пещере черной горы. Он бездомен, женат на летящей по небу Биян-Суды, дочери Абра-Дьениса (абра “повозка”, “телега”). В битвах он побеждает враждебных “семь князев-ханов” [Баскаков, 1965, с. 282–338].

Чтобы конкретизировать представление о юэжжйском пантеоне, следует внимательно отнестись к летописным известиям

самой ранней поры знакомства Хань с юэцжи, которых императорский двор считал потенциальными союзниками в борьбе против сюнну.

В 1925–1926 гг. экспедиция под руководством П. К. Козлова произвела раскопки древнего могильника в горах Нюин-ула в 60 км от Улан-Батора (Северная Монголия). По богатству и значению находок эти раскопки можно отнести к числу самых важных археологических открытий в XX в. Наиболее показательный материал из этих находок в цветном воспроизведении был издан К. В. Тревер [Тревер, 1933]. Его анализ сделан С. И. Руденко (1937) и другими учеными. Раскопные золотые и серебряные украшения, расшитые шелковые ткани, ковры с изображением сцен космогонического характера имеют аналогии вплоть до среднеазиатских. Говорить о конкретной этнической атрибуции этих и многочисленных подобных материалов затруднительно из-за отсутствия какой-либо прямой письменной информации о населенниках названного пояса в первом тысячелетии до н. э. Сведения о стране Юэцжи (ngiw-at-tie), относящиеся к концу IV в. до н. э., содержатся лишь в сочинении “Му Тяньцзы чжунань” (“Повествование о Сыне Неба Му”). Известия этого труда полусторичны. Но в реалистической его части, повторяющей маршрут Умин-вана (325–299 гг. до н. э.) [о нем: Сыма Цянъ гл. 110, с. 103, л. 56–6а; Таскин, 1968, с. 37], правителя северокитайского государства Чжао, говорится, что эта страна началась на востоке от северной излучины реки Хуанхэ [Налоп, 1937, с. 301; Кышторный, Савинов, 1998, с. 173]. В самом конце III в. до н. э. сюнну подчинили расположенные от них на севере государства Хуньной, Цюйше, Линьин, Гэунь и Синьли [Лидай, I, с. 18, 27]. Позднее в число покорившихся вошло государство Уцзе/Аугал. Аугалы, возможно, также участвовали в штурме Бактрии и Согдианы вместе с асианами, тохарами и сакарауками. Но первым и изначальным пунктом их переселения на запад была территория Зайкалыя и склоны Большого Хингана, а не Наньшань. Это была другая ветвь

“юэцжи”, объединившаяся с наньшаньской в движении сначала в Приарале, затем в Бактрию и Согдиану.

Еще одна ветвь отмечена более поздними хрониками – “Историей Северных династий”, “Историей династии Суй”, Новой редакцией “Истории династии Тан” [Ли Яньшоу, гл. 97, с. 1298, л. 256; Вэй Чжэн, гл. 83, с. 82, л. 8а; Оуян Сю, гл. 2216, с. 1555, л. 1а]. В них повторяется один и тот же текст, относящийся к Согду (Кан; ср. *созд. у`п kwit`k*). Вот он по Новой редакции: “Род [правителя] Вань из племени юэцжи – в начале они проживали на севере от Цилинь (Керген) в городе Чжао`у”. На рубеже эр местность С2205, 11512 Чжао`у (< tsjau-tju) на севере от Цилинь действительно существовала. Она находилась рядом с местностью Шаньдань на левобережье реки Эдзина-гол в центральной области юэцжи Чжанье. [Бань Гу, гл. 28, с. 407, л. 3а]. Вариантом этого названия можно считать С2205, 6965 Чжаому (< tsjau-tjuik). Это слово было частью титула правителя Каменного царства в 658 г. [Оуян Сю, гл. 2216, с. 1555, л. 25; Шаваппес, 1903, с. 141].

Вернемся к “юэцжийским” племенам на севере. В 127 г. до н. э., вероятно, во время изгнания ханьцами сюннуских племен из Ордоса (область внутри северной излучины реки Хуанхэ), на сторону Хань перешел важный, сюннуский сановник (сян “кан-царь”), имевший юэцжийский титул сихоу (йабгу, предводитель зависимого владения). Он получил китайскую фамилию и имя Чжао Синь. За ним было закреплено 1680 дворов “для кормления” [Бань Гу, гл. 17, с. 146, л. 36], а сам он был назначен командовать одним из авангардных соединений в составе ханьской армии, действовавшей против сюнну на севере от реки Хуанхэ. Воспользовавшись однажды походящим случаем, он через четыре года возвратился к сюнну. Шаньюй оставил ему прежнее достоинство: юэцжинец Чжао Синь стал “вторым [после шаньюя] лицом в государстве”. Шаньюй выдал за него свою старшую сестру (дочерь?) и “стал советовать с ним о способах борьбы с Хань. Чжао Синь научил шаньюя отойти далее на север через